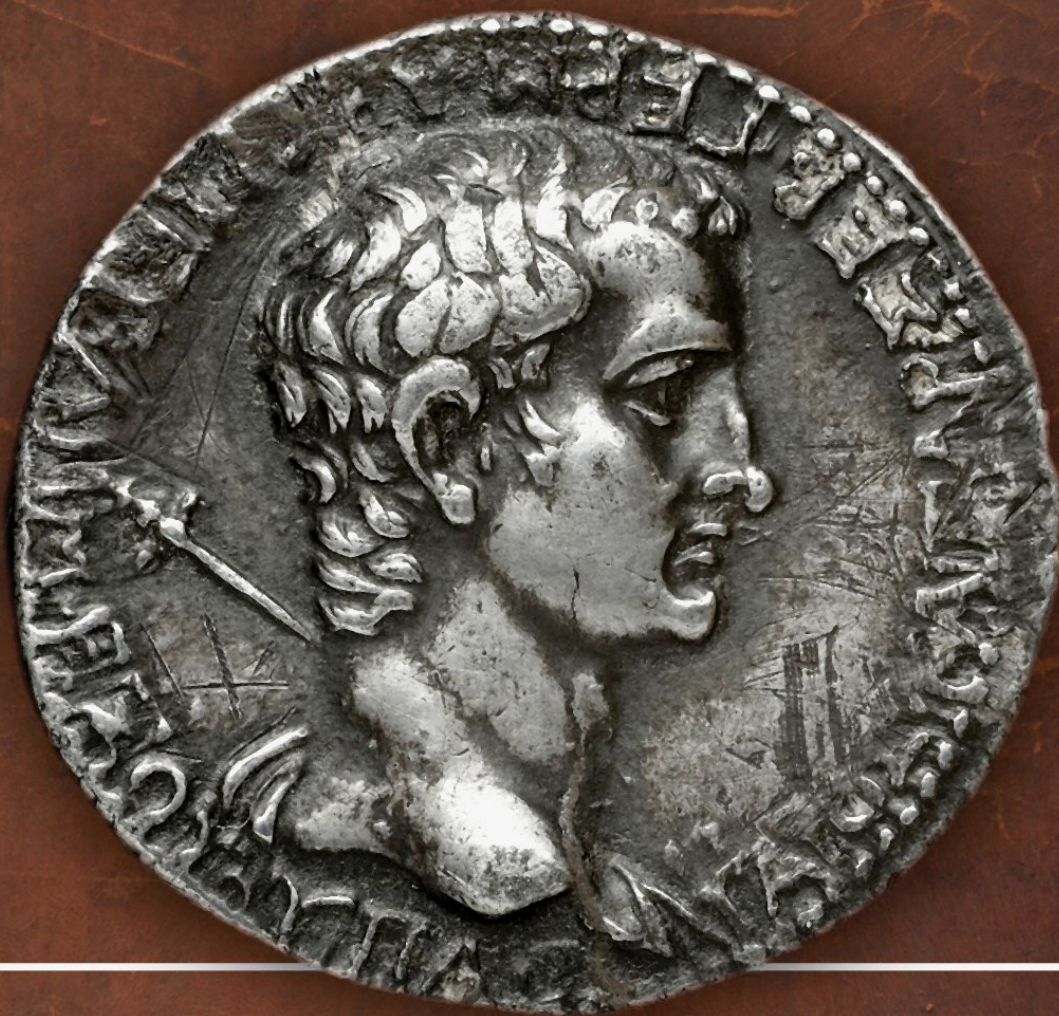

— НОВАЯ АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА —

— И. О. КНЯЗЬКИЙ —

КАЛИГУЛА
В РЕАЛИЯХ
ЭПОХИ

Новая античная библиотека. Исследования

Игорь Князький

Калигула в реалиях эпохи

«Алетейя»

2025

УДК 94(37).07
ББК 63.3(0)32

Князький И. О.

Калигула в реалиях эпохи / И. О. Князький — «Алетейя»,
2025 — (Новая античная библиотека. Исследования)

ISBN 978-5-00267-134-2

Калигула - представитель рода Юлиев-Клавдиев, уже самым рождением введённый в высшую элиту Империи, сын родителей, которые были любимцами римского народа. Его приход к власти население столицы встретило ликованием. Ни один принцепс не пользовался таким расположением квиритов в первые месяцы своего правления, ставшие для народа одним сплошным праздником... Но вскоре всё переменялось: обнаружилось, что на Палатине правит кровожадный тиран, действия которого всё более и более граничат с безумием. В чём же причины столь разительной перемены? Следствие ли это тяжёлой болезни, затуманившей разум молодого владыки, или результат воздействия на него жестоких реалий последних лет правления Тиберия, на которые пришлась юность Гая Цезаря? Этим проблемам и трагической судьбе Калигулы посвящена монография доктора исторических наук, профессора И. О. Князького.

УДК 94(37).07

ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-00267-134-2

© Князький И. О., 2025

© Алетейя, 2025

Содержание

Глава I. Рождённый в лагере любимец легионов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игорь Князький

Калигула в реалиях эпохи

© И. О. Князький, 2026

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2026

* * *

Глава I. Рождённый в лагере любимец легионов

Накануне сентябрьских календ (календами римляне называли первый день нового месяца) в большой семье императора Августа, уже сорок второй год правившего Римской державой, произошло прибавление: родился правнук властителя, получивший при рождении имя Гая. Таким образом, престарелый владыка Рима – ему вот-вот должно было исполниться семьдесят четыре года – стал прадедом младенца, чьё полное имя звучало точно так же, как и имя величайшего из римлян – божественного Юлия, сокрушившего безнадежно одряхлевший республиканский способ правления, а именно – Гай Юлий Цезарь. Когда великий Юлий погиб от кинжалов убийц, его внучатый племянник и наследник Октавий, вступив в права наследства, завещанные ему Цезарем, стал именоваться уже Гай Юлий Цезарь Октавиан, а, став единоличным правителем Рима, предпочёл именоваться Августом, под каковым именем он более всего и известен в истории. Теперь на старости лет он дождался еще одного Гая Юлия Цезаря! Что ж, и само имя, и августейшее в буквальном смысле слова происхождение вполне однозначно предрекало новорожденному неминуемое и заслуженное обретение в грядущем высшей власти в Риме. Так оно и случится. Однако это исторически справедливое достижение правнуком Августа владычества в Риме не принесёт счастья ни римлянам, ни самому Гаю. Но кто в Риме мог в то время предполагать подобное развитие событий и трагическую судьбу новорожденного Цезаря? Родители мальчика были совершенно счастливы рождением сына. Не так давно они пережили большое горе. Их предыдущий ребенок, также носивший имя Гай, скончался в раннем возрасте. Умерший мальчик отличался просто изумительной миловидностью. Восхищённая красотой правнука его прабабка Ливия, супруга Августа, поместила в храм Венеры Капитолийской его изображение в виде Купидона, а сам Август поместил портрет его в своей спальне и, входя в неё, каждый раз целовал изображение этого прекраснейшего из младенцев. Новый Гай явился как бы на смену безвременно ушедшему из жизни Гаю-Купидону, потому его рождению были особенно рады. Вот и вызвало оно столь немалый интерес.

Особое внимание к малышу, конечно же, было связано и с именами его родителей. Сын наидостойнейших римлян – такие слова вовсе не выглядели обычным цветистым комплиментом. Мать Гая, Агриппина, или, как принято называть её в истории, Агриппина Старшая, была дочерью славного полководца Агриппы, воинским трудам которого Август был обязан множеством побед, включая главную над самым грозным соперником своим Марком Антонием, давшую ему единовластие в Риме, и дочери самого Августа Юлии. Её отличали замечательные качества: Агриппина была знаменита сильным, непреклонным нравом, ей была чужда ложь, она презирала всякое притворство. И пусть мать её Юлия, увы, отнюдь не славилась добродетелью, а совсем наоборот имела заслуженную славу неисправимой распутницы, дочь, по счастью, сих дурных качеств не унаследовала, а отличалась целомудрием и была верной, искренне любящей своего мужа супругой.

Отец Гая Германией был сыном знаменитого полководца Друза. Друз особо прославил себя походами за Рейн в пределы Германии. Легионы, которые он возглавлял вместе со своим старшим братом Тиберием, добились наибольших успехов в борьбе с германцами, этими самыми упорными и непримиримыми врагами Рима, отодвинув рубежи империи вплоть до берегов Альбиса (современная река Эльба в Германии). По этому славному поводу в честь Друза и Тиберия была по повелению Августа отчеканена специальная монета, на которой изображались победоносные братья. К несчастью для Друза, это был его последний славный подвиг во имя величия Рима: несчастный случай вызвал у него гангрену, от которой он вскоре и скончался.

Матерью Германика была Антония Младшая – дочь Марка Антония и сестры Августа (тогда ещё Гая Юлия Цезаря Октавиана) Октавии. Брак сей был задуман для примирения

Антония и Октавиана, дабы соперничество их не ввергло вновь Рим в ужасы гражданской войны. Примирения не вышло. Антоний бросил Октавию, не имея ни сил, ни желания бороться со своей безумной страстью к царице Египта Клеопатре, и, в конце концов, бесславно погиб, предоставив победоносному Октавиану право владеть и Римом, и Египтом. Но от брака с Октавией осталось потомство. И вот дочь злейшего врага Августа и его же родная племянница, ибо дочь Октавии, сестры, вышла замуж за сына Ливии, супруги властителя Рима. Сын Друза и Антонии получил при рождении наследственное прозвание Германик. Собственно, славное имя это заслужил сам Друз за свои победы в Германии, но будущее показало, что сын его прозвание такое с доблестью оправдал, одержав множество блестящих побед в тех же местах, где победоносно сражался его отец.

«Всеми телесными и душевными достоинствами, как известно, Германик был наделён, как никто другой: редкая красота и храбрость, замечательные способности к наукам и красноречию на обоих языках (*латинском и греческом* – И.К.), беспримерная доброта, горячее желание и удивительное умение снискать расположение народа и заслужить его любовь. Красоту его немного портили тонкие ноги, но он постепенно заставил их пополнеть, постоянно занимаясь верховой ездой после еды. Врага он не раз одолевал врукопашную. Выступать с речами в суде он не перестал даже после триумфа. Среди памятников его учености остались даже греческие комедии. В поездках он вёл себя как простой гражданин, в свободные и союзные города входил без ликторов. Встречая гробницы знаменитых людей, всюду приносил жертвы Манам (*Маны – воплощения души умерших предков, обитавшие в подземном мире* – И.К.). ... Даже и хулителям своим, кто бы и из-за чего бы с ним не враждовал, относился он мягко и незлобливо»¹.

Оценка Светонием добродетелей Германика не должна подвергаться сомнениям. Автор «Жизни двенадцати цезарей», самого, пожалуй, популярного и поныне читаемого сочинения по римской истории первого века Империи, будучи профессиональным архивистом, прекрасно владел историческим материалом. Отметим, что Германик единственный персонаж на страницах труда Светония, которому даётся достаточно пространная и, главное, абсолютно положительная характеристика.

Достоинства Германика сумел оценить и сам Август, как известно, отличавшийся замечательным умением разбираться в людях, что во многом и помогло ему достичь высшей власти. В год рождения Гая Цезаря он вместе с Гаем Фонтеем Капитоном исполнял обязанности консула. Конечно, в имперскую пору уже в правление Августа звание консула значило много меньше, нежели в эпоху республиканскую, когда консулы олицетворяли высшую исполнительную власть в Риме, но всё же это было весьма почётное звание, за обладателем коего безусловно признавались немалые заслуги и высокие добродетели.

Таким образом, новорожденный Гай с минуты своего появления на свет уже почитался как сын достойнейших родителей, что само по себе должно было сулить ему великое будущее.

Родился Гай в маленьком приморском городке, расположенном в нескольких десятках миль к югу от Рима. Назывался он Анций. Спустя четверть века городку этому суждено было стать родиной еще одного знаменитого римского императора – Нерона, приходившегося Гаю Цезарю родным племянником. Известно, что совсем немного времени сын Германика и Агриппины провёл в Анции, но тот навсегда остался для Гая глубоко почитаемым местом. Когда он обрёл высшую власть, то для своих увеселений более всего любил выбирать Анций, что даже породило слухи о том, что, наскучив Римом, Гай Цезарь собирается перенести в родной город саму столицу Римской империи. Впрочем, первые годы жизни Гая прошли далеко от Анция и Рима. Вскоре его отправили к отцу, который в это время возглавлял римские легионы, стоявшие на самой опасной границе империи – на Рейне. Об обстоятельствах отправки Гая Цезаря к

¹ Светоний. Калигула. 3.

Германику мы узнаем из письма Августа к своей внучке Агриппине, матери Гая, приводимом Светонием в биографии Калигулы:

«Вчера я договорился с Таларием и Азиллием, чтобы они взяли с собой маленького Гая в пятнадцатый день до июньских календ, коли богам будет угодно. Посылаю вместе с ним и врача из моих рабов; Германику я написал, чтобы задержал его, если захочет. Прощай, милая Агриппина и постарайся прибыть к твоему Германику в добром здравии»².

Так правнук Августа, носивший славное имя Гая Юлия Цезаря, оказался в военном лагере, где и суждено ему было провести свои первые детские годы. Позднее многие будут считать, что он и родился в лагере. Появятся даже безымянные стихи о рождении Гая в военной среде, что будет истолковываться как дополнительное, помимо августейшего происхождения, обоснование его прав на высшую власть:

В лагере был он рождён, под отцовским оружием вырос:
Это ль не знак, что ему высшая власть суждена?³

Правда, когда эти вирши были сочинены, до сих пор неясно, ибо распространение они получили уже тогда, когда Гай облачился в императорский пурпур.

То, что сын Германика рос рядом с отцом в военном лагере, снискало ему привязанность и любовь в римском войске. Мальчика стали облачать в одежду рядового легионера – зрелище, безусловно, трогательное и умильное. Тогда-то и удостоился маленький Гай от воинов шутивого прозвища Калигула, что означало «Сапожок» (калиги – солдатские сапоги, обычная обувь римских легионеров). Под этим прозвищем Гаю и суждено было войти в историю, под этим именем он в ней и остался.

Письмо Агриппине, из которого нам и известно об отправке маленького Гая к отцу в далекую от Рима Галлию, на рейнскую границу, Август написал за несколько месяцев до своей смерти.

Сорок четвёртый год его единовластного правления в Риме стал последним годом великой эпохи Августа, когда в вечном городе и его необъятных владениях, простиравшихся от Атлантики до Кавказа и от Рейна до Нила, утвердилась новая форма правления. Римская республика окончательно превратилась в *Imperium Romanum* – Римскую империю. Август не был первым римлянином, обретшим в результате гражданской войны высшую власть. За полвека с лишним до него, в 82 году до н. э., единовластным повелителем Рима стал Луций Корнелий Сулла, победивший в жесткой междоусобной войне сторонников Гая Мария. Сулла, однако, не пытался установить в Риме монархические порядки, он лишь сохранил за собой полномочия диктатора. Диктатор в эпоху Римской республики соединял в своем лице высшую военную и гражданскую власть. Он назначался по инициативе сената одним из консулов в случае чрезвычайных обстоятельств в государстве. Должность была временная, через полгода диктатор слагал с себя полномочия. Сулла, по сути, стал пожизненным диктатором, ибо присвоил себе право быть на этом посту столько, сколько ему заблагорассудится «во благо Рима». Три года спустя Сулла добровольно отказался от личной власти, вернув республиканское правление, и вскоре, год спустя, умер. Великий Гай Юлий Цезарь в отличие от Суллы вполне целенаправленно сокрушал республику в Риме, ни в коем случае не собираясь отказываться от единоличной власти в державе. Однако блистательный интеллектуал, полководец, писатель, поражавший всех многообразием своих замечательных талантов, так и не смог определиться в главном: какую новую форму правления он предложит римлянам взамен уходящей в прошлое республики? Похоже, великий Юлий хотел всё-таки стать царем, но римляне, у которых на

² Там же, 8 (4).

³ Там же, 8.

протяжении уже почти пяти столетий – с 510 года до н. э., когда был свернут последний римский царь Тарквиний Гордый, была стойкая аллергия на царский титул первого лица государства, этих устремлений победоносного диктатора оценить не сумели. Более того, именно обвинение в стремлении к царской власти стало решающим для заговорщиков и обрекло великого Цезаря на гибель. Август не обладал яркими талантами своего гениального предшественника, но его практический ум оказался куда более изобретательным в плане государственного строительства. Он предложил римлянам монархию. Но монархию, облачённую в республиканские одежды и потому как бы совершенно не противоречащую добрым заветам славных предков. Ни о каком царском титуле не было и речи. Первым лицом в государстве становился принцепс. Так именовался председательствующий в сенате с древнейших времен. Правда, ранее он никогда никакой властью не обладал. Принцепс лишь вел заседания, на которых сенаторы принимали судьбоносные для Рима решения. Ныне же принцепс, «первый среди равных», как обожал подчеркивать Август, был заодно и верховным главнокомандующим, что подчёркивалось включением старинного звания «император» в его полный титул. В эпоху Республики императором воины провозглашали наиболее удачливого полководца за самые громкие победы. Теперь это звание становилось постоянным титулом и со временем и стало главным наименованием правителя Римской державы. Принцепс отныне получал исключительное право чеканки золотой и серебряной монеты, его суд был верховной инстанцией для всех римских граждан, а в качестве великого понтифика он возглавлял римскую религию. Принцепс также располагал пожизненной властью проконсула – так назывались наместники в римских провинциях – и потому контролировал управление всей территорией Римской империи. Наконец, звание «Отца отечества» делало фигуру первого лица в государстве священной. Само имя «Август», означавшее «умножающий», также указывало на сакральный характер властителя империи. Но при этом Август постоянно подчёркивал, что он не установил единовластия, но восстановил республику. Это было объявлено в специальном постановлении. Формально оставались все республиканские учреждения, их функции официально сохранялись в прежнем виде, но все понимали, что та эпоха ушла навсегда. Республика сменилась Империей, где истинным владыкой был принцепс, потому и принято называть Римскую империю первых трёх веков её существования Принципатом.

Надо сказать, что об утраченной республике в Риме скорбели очень немногие. В свои последние десятилетия она была крайне малосостоятельна и уходила со сцены под непрекращающийся звон мечей непрерывных гражданских войн. Империя покончила с кровавыми междоусобицами, дав всему необъятному пространству римских владений мир. *Imperium Romanum*, Римская империя, дала своим народам *Pax Romana*, Римский мир. И это ведь касалось не только римских граждан. Народам завоёванных римлянами стран, которые в первую очередь в результате вхождения в состав Римской державы лишились права разорять друг друга бесконечными войнами, империя дала благоденствие, которого до сих пор они никогда не знали. Потому в большинстве своём подданные империи «предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому»⁴. Но вот настали дни, когда над спокойствием в Римской империи вновь нависла опасность.

Последние годы жизни Августа, увы, не были для Рима периодом желанного и, наконец-то, по-настоящему обретённого мира и спокойствия. В 9 году римляне потерпели жесточайшее поражение в Германии, где даровитый предводитель Арминий в Тевтобургском лесу сумел уничтожить со своим варварским воинством три римских легиона, коими, увы, предводительствовал малоталантливый военачальник Квинтилий Вар. Старейший Август, уже вступивший в восьмой десяток, бился в натуральной истерике, повторяя одно и то же очевидно бесполезное заклинание: «Квинтилий Вар! Верни легионы!» Пасынок принцепса Тиберий

⁴ Тацит. *Анналы*. I, 2.

Клавдий Нерон, родной дядя отца маленького Калигулы Германика, с превеликим трудом сумел остановить натиск победоносных варваров на Рейне, но с берегов Альбиса пришлось уйти.

Еще ранее, в 6 году, на обширном пространстве от Дуная до Адриатики также вспыхнули мятежи, длившиеся три года подряд. Должно быть, народам Паннонии (придунайская провинция Рима, современная Венгрия), а также Иллирии и Далмации (современные Хорватия и Босния и Герцеговина) благоденствие под мудрым владычеством Рима вовсе не казалось благом. В истории довольно часты случаи, когда народы мирному проживанию в составе империй предпочитают резню и голод, но под своим флагом⁵. Число повстанцев на пике мятежа достигало 200 000 человек, и потрясённый Август открыто объявил в сенате во всеуслышание, что через 10 дней они могут быть у стен Рима. Положение спас всё тот же неутомимый Тиберий, заслуживший победами над мятежниками в Подунавье и на Балканах очередной триумф. Его этот славный полководец отпраздновал уже после всех своих успешных сражений на берегах Дуная, а затем и Рейна – в 12 году. Как раз в год рождения Гая Цезаря – будущего Калигулы.

В империи воцарился покой. Но теперь все взоры были устремлены на дряхлеющего принцепса, ибо «настоящее не порождало опасений, покуда Август во цвете лет деятельно заботился о поддержании своей власти, целостности своей семьи и гражданского мира. Когда же в преклонном возрасте его начали томить недуги и телесные немощи и стал приближаться его конец, пробудились надежды на перемены и некоторые принялись толковать впустую о благах свободы, весьма многие опасались гражданской войны, иные – желали ее. Большинство, однако, разбирало, кто мог стать их властелином»⁶.

Перед римлянами впервые разыгрывалась сцена передачи власти от уходящего из жизни единовластного правителя державы к его преемнику. И исторический опыт здесь, понятное дело, отсутствовал. Когда-то, в древнейшие времена, когда Римом правили цари, преемника ушедшему в царство мёртвых монарху избирало народное собрание. Таким образом, новый царь обретал власть по воле римского народа. Единственным царём, захватившим трон силой, был Луций Тарквиний, получивший прозвание Гордого. Но он-то и оказался последним римским царём. После его свержения Рим стал республикой. Сулла, впервые ставший единовластным правителем Римской державы, добровольно сложил с себя диктаторские полномочия, восстановив традиционное республиканское правление. Великий Гай Юлий Цезарь, в отличие от Суллы категорически не собиравшийся слагать с себя полномочия диктатора Рима, о возможном преемнике не задумывался, полагая, что у него впереди еще немало лет счастливого правления. Когда кинжалы убийц поразили гениального Юлия, то вновь произошло возвращение к республике. Ведь Октавиан был всего лишь наследником имущества Гая Юлия Цезаря, но никак не был обозначен в роли его преемника. За это право ему пришлось бороться целых тринадцать лет. И вот теперь, когда силы оставляли Августа, римляне не могли не задуматься о том, кому ныне будет суждено стать единовластным правителем необъятной империи. Важнейшим должно признать то, что никто уже не помышлял о восстановлении прежней республики. Римляне успели оценить те немалые достоинства единовластия, которые продемонстрировало правление Августа, и ломали голову лишь над вопросом: кому же быть преемником умирающего принцепса. Сам Август, надо сказать, задачу эту римлянам не облегчил. Никакого закона о переходе высшей власти от одного принцепса к другому за все сорок с лишком лет его правления в Риме так и не появилось. Спустя восемнадцать с половиной столетий знаменитый французский историк Эрнест Ренан жестоко попрекнул за это основателя Принципат: «Август не исполнил долга истинного политика, оставив будущее на произвол судьбы. Без твёрдо установленного права престолонаследия, без точных законов об усыновлении, без

⁵ Г. П. Федотов. Судьба империй. – Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. М., 1992, Т/ 2, с. 322.

⁶ Тацит. Анналы. I, 4.

всякого закона об избрании императора, без всяких конституционных ограничений, цезаризм оказался слишком тяжёлым грузом на этом корабле без балласта. Самые ужасные взрывы были неизбежны»⁷.

Думается, Август и не считал необходимым издавать закон о престолонаследии. Ведь это противоречило бы самой идее «восстановления республики», каковую он официально торжественно провозгласил. Потому в отсутствии закона о передаче власти, но при неоспоримом уже единовластии смена правителя неизбежно становилась «семейным делом» самого принцепса и его ближайших родственников. Вот римляне и стали горячо обсуждать достоинства и недостатки тех, кто в первую очередь мог стать наследниками Августа. Таковых было совсем немного: внук Августа Агриппа Постум, сын славного полководца Марка Випсания Агриппы и дочери принцепса Юлии; пасынок Августа, сын его супруги и верной спутницы последних десятилетий жизни Ливии Тиберий Клавдий Нерон, а также сама Ливия, человек очень властный, волевой, имевший на престарелого Августа сильное влияние, даром, что и сама была лет весьма преклонных. Сопоставляя кандидатов в претенденты на наследие Августа, римляне особо не обольщались: «Агриппа – жесток, раздражён нанесённым ему бесчестьем и ни по летам, ни по малой опытности в делах непригоден к тому, чтобы выдержать такое бремя; Тиберий Нерон – зрел годами, испытан в военном деле, но одержим присущей роду Клавдиев надменностью, и часто у него прорываются, хотя и подавляемые, проявления жестокости. С раннего детства он был воспитан при дворе принцепса; еще в юности консульствами и триумфами; и даже в годы, проведённые им на Родосе под предлогом уединения, а в действительности изгнанником, он не помышлял ни о чём ином, как только о мести, притворстве и удовлетворении тайных страстей. Ко всему этому ещё его мать с её женской безудержностью: придётся рабски повиноваться женщине и сверх того, двоим молодым людям, которые какое-то время будут утеснять государство, а когда-нибудь и расчленять его»⁸.

Что и говорить, рассуждения, весьма далекие от какого-либо оптимистического начала. Один – юнец, преисполненный дурных намерений, лишённый достоинств, соответствующих качествам правителя державы. Другой – пусть и немолод, а, значит, опытен, испытан в войнах и с делами государственными знаком не понаслышке, но человек недобрый, мстительный и таящий в себе жестокость. А тут ещё и его матушка с необузданным честолюбием и жадой властвовать. Да и не забыть еще и молодых – о сыне Тиберия Друзе и племяннике Германике, от коих тоже много чего можно дожидаться и не обязательно хорошего... Наличие целой группы августейшей родни, как видим, заставляло иных римлян предполагать возможность в грядущем даже расчленения государства. Неопределённость ситуации, так всегда бывает в подобных случаях, всенепременно порождает многочисленные слухи и сплетни, подлинность каковых, как правило, крайне сомнительна, что отнюдь не мешает их повсеместному распространению. Так, ухудшение здоровья Августа иные стали связывать со злыми умыслами Ливии, и стали поговаривать, что Август вновь подобрел к своему внуку Агриппе Постуму, коего ранее за ужасное поведение и отвратительные наклонности сам повелел сослать на остров Планазию. Наконец, появился слух, что Август даже тайно посетил ссыльного внука на Планазии и там при встрече дедом и внуком были пролиты обильные слёзы, и якобы вот-вот юный Агриппа вернётся в Рим. А уж если вернет себе и любовь Августа, то кому ещё быть его преемником, как не вновь обрётённому любимому внуку?

Что до другого кандидата в преемники, то здесь, конечно же, всё выглядело много солиднее. Сын Ливии от первого брака, пасынок Августа был уже далеко не молод и достиг середины шестого десятка, будучи на двадцать лет моложе самого императора. Жизненный путь Тиберия давал самые серьёзные основания полагать, что этот человек наделён выдающимися

⁷ Ренан Э. История первых веков христианства. Жизнь Иисуса. Апостолы. М., 1991, с. 555.

⁸ Тацит. Анналы. I, 4.

способностями, каковые и позволили ему совершить немало замечательных деяний во славу Римской империи. В возрасте шестнадцати лет он начал военную службу и в качестве трибуна участвовал в походе на Кантабрию – единственную оставшуюся непокорной римлянам часть Испании на северо-западе Иберийского полуострова (территория современных испанских провинций Астурии и Басконии). Шесть лет спустя, в 20 году до н. э., Тиберий впервые сам возглавляет поход римской армии на Восток против Парфии. Успех этого похода должно признать выдающимся: парфяне были вынуждены уступить Риму Армению, и на троне там воцарился союзник римлян Тигран. Тиберий в своем военном лагере перед трибуной военачальника лично возложил на Тиграна царскую диадему. Более того, парфяне согласились вернуть римские знамёна, некогда захваченные ими у Марка Красса и Марка Антония. Тиберий и принял эти знамёна. Для римлян такое событие было чрезвычайно знаменательным. Поражение Марка Красса в битве с парфянами у города Карры в Месопотамии в 53 году до н. э. было величайшим унижением римского оружия. Да и могли ли в Риме забыть, как во время пира у парфянского царя Орода, который отмечал помолвку своего сына Пакора с армянской царевной, было разыграно целое представление с целью издевательства над побеждённым римским военачальником! После пиршества для царя и его гостей устроили спектакль – показали «Вакханок» Еврипида. И вот в самый разгар представления в зале появился гонец, который швырнул на сцену отрубленную голову Марка Лициния Красса, а один из актёров, схватив страшный трофей, ко всеобщему ликованию продекламировал стихи, которые и должен был прочесть по ходу действия и которые замечательно подошли к этому случаю:

Мы несём с горы в свой дом недавно срезанный плющ,
Добычу славной охоты!

Хор, как и было положено по тексту трагедии, спросил:

Кто же убил его?

Ныне возврат знамён как бы означал, что римляне сумели загладить позор разгрома Марка Красса и последствия не самого удачного похода Марка Антония против парфян в 36 году до н. э., когда римляне потеряли более трети своего войска. И честь возврата римских знамен, и утверждение римского влияния в Армении, и готовность парфян даже выдать римлянам заложников в знак гарантии мирных отношений – всё это было связано с именем Тиберия.

После успешных кампаний в горах Испании и Армении Тиберию пришлось сражаться и в Альпах, где он подчинил Риму племена ретов. Но главные свои военные деяния он совершил на равнинных землях в Паннонии и Германии. В войне с германцами, когда римские легионы впервые достигли берегов Альбиса (Эльбы), войска Тиберия захватили сорок тысяч пленных, которых победоносный полководец приказал расселить на ранее присоединённых к Риму землях по левому берегу Рейна. За победы эти Тиберий удостоился новой, ранее никому не предоставлявшейся награды – триумфальных украшений. Он дважды торжественно вошёл в Рим во главе своих победоносных войск: первый раз это была овация – так называемый малый триумф, когда полководец-победитель вступал в столицу пешком, второй же раз Тиберий въехал в Вечный город на колеснице, и это был уже полный триумф. Третий же раз войти в Рим в качестве победоносного военачальника Тиберию пришлось уже на исходе правления Августа. Это было после подавления им грандиозного восстания в Иллирии и Паннонии и восстановления римской границы по Рейну после гибели легионов Квинтилия Вара, о чём уже упоминалось. О том, сколь значимой для римлян была война в Иллирии, засвидетельствовал Гай Светоний Транкилл: «А когда пришла весть об отпадении Иллирика ему (*Тиберию* – И.К.) была доверена и эта война – самая тяжёлая из всех войн римлян с внешними врагами после Пунических: с пятнадцатью легионами и равным количеством вспомогательных войск ему пришлось

воевать три года при величайших трудностях великого рода и крайнем недостатке продовольствия. Его не раз отзывали, но он упорно продолжал войну, опасаясь, что сильный и близкий враг, встретив добровольную уступку, перейдет в наступление. И за упорство он был щедро вознаграждён: весь Иллирик, что простирается от Италии и Норика до Фракии и Македонии и от реки Данубия до Адриатического моря, он подчинил и привёл к покорности»⁹.

Тиберий, безусловно, обладал большим полководческим талантом. Более того, будучи уже немолодым человеком, он не переставал совершенствовать свои воинские знания и привычки. Знаменитый объединитель Германии князь Отто фон Бисмарк любил повторять фразу: «Только дураки учатся на собственном опыте. Я предпочитаю учиться на опыте других». Тиберий мог бы сказать это почти за девятнадцать столетий до великого канцлера Германской империи. Печальный опыт Квинтилия Вара, погубившего в Тевтобургском лесу три легиона, был им немедленно учтен. Как писал Светоний, Тиберий «знал, что виной поражению Вара была опрометчивость и беззаботность полководца. Поэтому с тех пор он ничего не предпринимал без одобрения совета: человек самостоятельных суждений, всегда полагавшийся только на себя, теперь он вопреки обыкновению делился своими военными замыслами со многими приближёнными. Поэтому же и бдительность он проявлял необычайную: готовясь к переходу через Рейн, он в точности определил, что надо брать с собою из припасов, и сам, стоя у берега перед переправой, осматривал каждую повозку, нет ли в ней чего сверх положенного и необходимого. А за Рейном вёл он такую жизнь, что ел, сидя на голой траве, спал часто без палатки, все распоряжения на следующий день и все чрезвычайные поручения давал письменно, с напоминанием, чтобы со всеми неясностями обращались только к нему лично и в любое время, хотя бы и ночью.

Порядок в войске он поддерживал с величайшей страстью, восстановив старинные способы порицаний и наказаний: он даже покарал бесчестием одного начальника легиона за то, что тот послал нескольких солдат сопровождать своего вольноотпущенника на охоту за рекой. В сражениях он никогда не полагался на удачу и случай»¹⁰.

Перед нами портрет выдающегося воина, умелого военачальника, человека, которому Рим обязан завоеванием обширных земель, сопоставимых со славными завоеваниями Помпея и Цезаря. Более того, этим великим полководцам не довелось сражаться с врагом, могущество которого угрожало бы благополучию Римской державы. Тиберий же подавил страшный мятеж в Иллирике, угрожавший самому Риму. Едва ли Август просто запугивал сограждан, предупреждая, что через десяток дней враг может появиться у стен столицы, и потому не случайно Светоний сопоставил войну Тиберия с повстанцами Иллирии и Паннонии с Пуническими войнами! А в борьбе с Карфагеном, когда армию пунов, как римляне именовали карфагенян, возглавлял грозный Ганнибал, судьба Рима порой висела на волоске. Да и численность мятежников была колоссальной: до 200 тысяч человек. Потому-то и силы, вверенные Тиберию, составляли полтора-два тысяч – именно такова была численность пятнадцати римских легионов с вспомогательными войсками. Значит, справедливо будет поставить имя Тиберия как великого полководца в один ряд с такими прославленными римлянами, как победитель Ганнибала Сципион Африканский, покоритель Македонии Эмилий Павел, взявший Карфаген Сципион Эмилиан, как Гай Марий, сокрушивший страшные орды кимвров и тевтонов, как Сулла и, наконец, Помпей Великий и Юлий Цезарь.

Победы над германцами и паннонцами, обеспечившие конечное благополучие последних лет правления Августа, резко подняли значение Тиберия в делах Империи. Вскоре после того, как в 12 году Тиберий отпраздновал свой очередной, третий уже, триумф, появился закон, гласивший, что отныне он будет совместно с Августом управлять провинциями и произво-

⁹ Светоний. Тиберий. 16.

¹⁰ Там же. 18, 19.

дить перепись. Это означало, что Тиберий, по сути, становится официальным соправителем дряхлеющего принцепса, что не должно было оставлять какие-либо сомнения относительно имени преемника Августа. Но даже величие военных заслуг Тиберия не могло заставить римлян забыть о его дурных качествах, кои могли стать весьма опасными при обретении им высшей власти. Конечно же, упомянутые ранее разговоры о его затаённой жестокости не были случайны. Знал об этом и сам Август, не раз открыто осуждавший жестокий нрав Тиберия¹¹. Молва приписывала Августу даже такие слова, якобы сказанные принцепсом после некой тайной беседы с Тиберием: «Бедный римский народ, в какие он попадёт медленные челюсти!» Отсюда появлялись и предположения, что Август из тщеславия специально сделал Тиберия своим преемником, дабы римляне еще более жалели об ушедшем правителе.

Последнее, разумеется, не более, чем ядовитая сплетня. Не мог Август желать Римской державе зла и передавать власть человеку, способному лишь оттенить великие достоинства своего предшественника. Здесь, думается, нельзя не согласиться со Светонием, резко возражавшим против подобного истолкования решения Августа о выборе преемника: «И все-таки я не могу поверить, чтобы такой осторожнейший и предусмотрительный правитель в таком ответственном деле поступил столь безрассудно. Нет, я полагаю, что он взвесил все достоинства и недостатки Тиберия и нашёл, что его достоинства перевешивают, тем более что и перед народом он давал клятву усыновить Тиберия для блага государства и в письмах не раз отзывался о нем как о самом опытном полководце и единственном оплоте римского народа»¹².

Соправителем Августа Тиберию довелось быть недолго. Здоровье престарелого принцепса стремительно ухудшалось. Но до последних дней император не оставлял государственных дел. Летом 14 года он решил вновь отправить Тиберия в недавно мятежный Иллирик. Тиберий должен был пересечь Италию и из приморского города Брундизия на Адриатике отправиться к берегам Иллирии. Август собирался провожать пасынка-соправителя до города Беневента – середины пути из Рима в Брундизий. Но его задержали в Риме многочисленные вновь открывшиеся судебные дела. Дела эти и назойливость бесчисленных жалобщиков вскоре так утомили старика, что он в сердцах воскликнул: «Пусть даже всё будет против меня, но в Риме я не останусь!» Покинув столицу, Август отправился на морскую прогулку и посетил остров Капрею (Капри), где провёл четыре дня. Морское путешествие не пошло ему на пользу. Началась болезнь. А вскоре выяснилось, что болезнь эта последняя. С Капри больной Август переехал в Неаполь, а затем в городок Нолу, коему и суждено было стать его последним пристанищем.

В Ноле болезнь Августа обострилась так, что он сам ощутил близость конца. Тогда он спешно отправляет гонца в Иллирик к Тиберию – по другим сведениям гонца этого отправила Ливия¹³, не дожидаясь решения умирающего мужа и обеспокоенная тем, чтобы никто и ничто не помешали её сыну обрести законную власть по смерти Августа.

Люди не могут не думать порой о смерти. С годами мысли о ней приходят всё чаще. Великий Гай Юлий Цезарь желал себе смерти неожиданной. Таковая и настигла его. Правда, легкой и безболезненной она не была из-за кинжалов убийц-заговорщиков. Август всегда молился богам о «доброй смерти» для себя и своих близких, имея в виду смерть быструю и без мучений. Таковая ему и выпала. Правда, она не была неожиданной. Чувствуя её приближение, он спросил у окружавших его друзей: насколько хорошо, как им кажется, он сыграл комедию жизни? Затем произнес стихи, какими актеры обычно завершали выступление:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте

¹¹ Там же. 20 (2).

¹² Там же. 20 (3).

¹³ Тацит. *Анналы*. I, 5.

И проводите добрым нас напутствием.

Скажем прямо, комедию жизни Август сыграл блистательно и аплодисменты римлян, безусловно, заслужил.

Скончался Август на руках у Ливии. К ней же и были обращены его последние слова: «Ливия, помни, как мы жили вместе! Живи и прощай!»

Присутствовал ли Тиберий в Ноле в день смерти Августа – неясно. Светоний писал, что Августа Тиберий «застал уже без сил, но ещё живого и целый день оставался с ним наедине»¹⁴. Тацит полагал, что не вполне выяснено, застал ли срочно возвратившийся из Иллирии Тиберий Августа еще живым или уже бездыханным¹⁵. Собственно, не столь уж это важно. Но в первые дни по смерти Тиберий с овдовевшей Ливией хлопотал о переходе высшей власти к себе как единственному законному преемнику Августа. Здесь Ливия действовала, пожалуй, даже решительнее сына. Именно она приняла меры к сокрытию до поры до времени от народа известия о смерти правящего императора. Вокруг дома Августа в Ноле и на дорогах к нему появилась стража, а тем временем в народе распускались слухи о добром самочувствии принцепса. Затем внезапно было объявлено, что Август скончался, а Тиберий Клавдий Нерон стал единственным правителем государства. В чем причина такой странной задержки сообщения о смерти Августа и о его преемнике? Ведь уход из жизни правителя империи был ожидаем, а права Тиберия никем не оспаривались. По сути, он уже и был объявленным преемником, выступив в роли соправителя. Даже без оглашения текста завещания Августа мало кто мог усомниться в естественности и законности перехода власти к Тиберию. В чём же дело? А дело было в молодом Агриппе Постуме, родном внуке Августа, который хотя и был сослан на остров Планазию дедом за «вырождение» и наисквернейшее поведение, родственников-то уз не утратил, а симпатии части римлян к нему вполне могли быть известны Ливии и ее сыну. Не случайно ведь ходили слухи о тайном свидании Августа с внуком и о намечавшемся прощении беспутного потомка. Вроде бы Августа в поездке на Планазию сопровождал Фабий Максим, он же, не в силах скрыть доверенную ему превеликую тайну, не удержался и рассказал обо всём жене своей Марции, и та уже проболталась Ливии. От матери, само собой, известие это стало ведомо Тиберию.

Скорее всего, слухи о перемене отношения Августа к внуку были пустой болтовней. Но то, что само существование кровного внука принцепса заставляет часть народа воспринимать именно его в качестве вполне законного восприемника высшей власти, было для Ливии и Тиберия совершенно очевидно. Как действовать – на то был пример самого Августа. Ведь, овладев Египтом, он без колебаний велел убить Цезариона – сына, как считалось, Клеопатры и Гая Юлия Цезаря. Родной сын Цезаря мог со временем стать опасной фигурой в большой политической игре. Предполагая возможность такого нежелательного для себя развития событий, Август и пресёк потомство божественного Юлия, появившееся на египетской почве, дабы самому навсегда остаться единственным и неповторимым потомком и наследником великого Цезаря. Ливия и Тиберий последовали этому примеру без колебаний.

«Первым деянием нового принципата было убийство Агриппы Постума, с которым, застигнутым врасплох и безоружным, не без тяжёлой борьбы справился действовавшей со всею решительностью центурион. Об этом деле Тиберий не сказал в сенате ни слова: он создал видимость, будто так распорядился его отец (Август), предписавший трибуну, приставленному для наблюдения за Агриппой, чтобы тот не замедлил предать его смерти, как только принцепс испустит последнее дыхание. Август, конечно, много и горестно жаловался на нравы этого юноши и добился, чтобы его изгнание было подтверждено сенатским постановлением; однако

¹⁴ Светоний. Тиберий. 2–1.

¹⁵ Тацит. Анналы. I, 5.

никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи (*Цезарион, конечно, был его родственником, но никак не членом семьи. – И.К.*), и маловероятно, чтобы он пошёл на убийство внука ради безопасности пасынка. Скорее всего, Тиберий и Ливия – он из страха, она из свойственной мачехам враждебности – поторопились убрать внушавшего подозрения и ненавистного юношу. Центуриону, доложившему согласно воинскому уставу об исполнении отданного ему приказа, Тиберий ответил, что ничего не приказывал и что отчёт о содеянном надлежит представить сенату. Узнав об этом, Саллюстий Крисп, который был посвящён в эту тайну (он сам отослал трибуну письменное распоряжение) и боясь оказаться виновным – ведь ему было равно опасно и открыть правду, и поддерживать ложь, – убедил Ливию, что не следует распространяться ни о дворцовых тайнах, ни о дружеских совещаниях, ни об услугах воинов и что Тиберий не должен умалять силу принцепата, обо всём оповещая сенат: такова природа власти, что отчет может иметь смысл только тогда, когда он отдаётся лишь одному»¹⁶.

Так изложил эти события Тацит. Близко к нему писал и Светоний: «Кончину Августа он держал в тайне до тех пор, пока не был умерщвлён молодой Агриппа. Его убил приставленный к нему для охраны войсковой трибун, получив об этом письменный приказ. Неизвестно было, оставил ли этот приказ умирающий Август, чтобы после его смерти не было повода для смуты, или его от имени Августа продиктовала Ливия, с ведома или без ведома Тиберия. Сам Тиберий, когда трибун доложил ему, что приказ исполнен, заявил, что такого приказа он не давал и что тот должен держать ответ перед сенатом. Конечно, он просто хотел избежать на первое время общей ненависти, а вскоре дело было замято и забыто»¹⁷.

Теперь, когда реальная власть практически была в его руках и единственный возможный легитимный соперник был устранен, Тиберий занялся законным оформлением того, что уже случилось. Для этого требовалось созвать сенат и огласить завещание Августа. Но все вокруг вели себя так, будто Тиберий уже является принцепсом. Первыми ринулись раболепствовать консулы, затем сенаторы, наконец, всадники. «Чем кто был знатнее, тем больше он лицемерил и подыскивал подобающее выражение лица, чтобы не могло показаться, что он или обрадован кончиною принцепса, или, напротив, опечален началом нового принцепата: так они перемешивали слёзы и радость, скорбные сетования и лесть»¹⁸. Это искусное соединение скорби об ушедшем и радости по поводу грядущего правления знатными римлянами при воцарении Тиберия можно считать первым известным нам в европейской истории применением узаконенной затем в Средневековье чеканной формулы: «Король умер. Да здравствует король!» Четыре с половиною десятилетия правления Августа были хорошей школой для римской знати вобретении умения угождать правителю Империи. Потому едва ли необходимость определить границы положенной скорби и счастья обретения нового владыки была для знатных римлян делом затруднительным.

Тем не менее само утверждение сенатом Тиберия в должности принцепса было обставлено так, как будто оно и в самом деле решало судьбу высшей власти в Риме. Тиберий созвал сенат не как преемник Августа, но лишь как человек, облечённый властью народного трибуна и потому имеющий право объявить о созыве заседания сената. На всякий случай, правда, он окружил себя многочисленной охраной, всюду его сопровождавшей. Возможно, и чрезмерная предосторожность, но память о судьбе божественного Юлия была достаточно остра. И на самом заседании сената Тиберий немедленно установил строгие рамки: обсуждается только то, что имеет отношение к последней воле Августа и к обряду его похорон. Завещание Августа было доставлено в сенат весталками – жрицами богини Весты, храму которой вверялись на

¹⁶ Там же. I, 6.

¹⁷ Светоний. Тиберий. 22.

¹⁸ Тацит. Анналы. I, 7.

хранение важнейшие документы. Первые же слова оглашённого завещания прямо указывали на преемника умершего императора: «Так как жестокая судьба лишила меня моих сыновей Гая и Луция, пусть моим наследником в размере двух третей будет Тиберий Цезарь». Одна треть отходила Ливии, которая по воле Августа удочерялась им и потому обретала новое значение для Юлии Августы и включалась в род Юлиев. В случае смерти Тиберия и Ливии следующими наследниками должны были стать внуки и правнуки Августа. Двухлетний Гай, сын Германика и Агриппины, кровный правнук Августа, таким образом, впервые упоминался как возможный его наследник. Речь в завещании, правда, формально шла об имуществе покойного принцепса, но всем было понятно: реально оно передаёт власть. Переход власти к Тиберию должен был утвердить сенат, и здесь наследник Августа решил разыграть целый спектакль, дабы создать у окружающих впечатление, будто действительно избирается принцепсом по воле народа, а не потому, что благодаря стараниям своей матери он был своевременно усыновлен приёмным отцом. Здесь, однако, он даже перестарался. Он заставил сенаторов так долго умолять себя принять власть, так упорно от неё отказывался, именуя власть «чудовищем», что некоторые из сенаторов, потеряв терпение, стали проявлять очевидное раздражение этой явно малоталантливой комедией. Самые смелые из них решились даже на очевидную дерзость. Кто-то воскликнул: «Пусть он правит или пусть он уходит!» Другой съязвил: «Если иные медлят делать то, что обещали, то он медлит обещать то, что уже делает». Последнее было, что называется, не в бровь, а в глаз.

Тиберий, разумеется, «уступил» и согласие принять верховную власть дал, но при этом продолжал ломать комедию до конца, стеной и горько жалуясь на тягостное рабство, кое он возлагает на себя, принимая власть. Более того, он прямо заявил, что согласился быть у власти лишь «до тех пор, пока вам не покажется, что пришло время дать отдых и моей старости»¹⁹. Сенату как бы предоставлялось право законно отправить на покой одряхлевшего принцепса и заменить его более молодым и крепким. Разумеется, всерьёз эти слова принимать было нельзя. Более того, «позднее обнаружилось, что он притворялся колеблющимся ради того, чтобы глубже проникнуть в мысли и намерения знати; ибо, наблюдая и превратно истолковывая слова и выражения лиц, он приберегал всё это для обвинения»²⁰.

Думается, едва ли Тиберий, еще не овладев уверенно властью, уже помышлял о карах тем, кто не выражал восторга по поводу его наследования Августу. Другое дело, что, будучи человеком памятьным, он вполне мог впоследствии кое-кому и припомнить былую кажущуюся нелояльность. А пока что на всех действиях преемника основателя Принципата лежала очевидная печать неуверенности, временами выражавшейся в откровенной растерянности. Так «на одну из бесчисленных униженных просьб, с которыми сенат простирался перед Тиберием, тот заявил, что, считая себя непригодным к единодержавию, он, тем не менее, не откажется от руководства любой частью государственных дел, какую бы ему ни поручили»²¹. Но, когда сенатор Азиний Галл в ответ на эти туманные слова напрямую, что называется, в лоб спросил: «Прошу тебя, Цезарь, указать, какую именно часть государственных дел ты предпочёл бы получить в свое ведение?»²², то Тиберий откровенно растерялся и, не сразу придя в себя, осторожно ответил, «что его скромности не пристало выбирать или отклонять что-либо из того, от чего в целом ему было бы предпочтительнее отказаться»²³. Сенатор, задавший столь острый вопрос, сразу по выражению лица Тиберия заметил его растерянность и досаду. Он тут же успокоил его, сказав, что всего лишь ждал подтверждения, что государство по-преж-

¹⁹ Светоний. Тиберий. 24.

²⁰ Тацит. Анналы. I, 7.

²¹ Там же. I, 12.

²² Там же.

²³ Там же.

нему едино и должно управляться только по воле одного человека, а человек этот, разумеется, сам Тиберий. Растерянности и раздражения Тиберия он, однако, до конца этим не развеял. Нельзя ведь забывать о том, что впервые в римской истории власть от одного единовластного правителя передавалась другому. Традиция только зарождалась, и могло возникнуть немало проблем и даже препятствий. Многим в верхах римского общества были ведомы мнения знаменитых людей времени правления Августа, которые открыто говорили о возможности восстановления, казалось бы, забытой и навсегда ушедшей в прошлое республики. Как-никак о необходимости отказа от единовластия и преимуществах республиканского правления говорил Октавиану, только что восторжествовавшему над Марком Антонием в гражданской войне, его главный в то время полководец, собственно, и добывший ему победу над грозным соратником Юлия Цезаря, Марк Випсаний Агриппа:

«Не удивляйся, Цезарь, что я буду советовать тебе отказаться от единовластия, хотя лично я извлёк из него множество благ, пока ты им владел.

Я считаю, что надо заранее подумать не о моём личном благе, о котором я вообще не забочусь, а о твоём и общем благе. Рассмотрим спокойно всё, что связано с единовластием, и пойдём тем путем, какой укажет нам разум. Ведь никто не скажет, что нам надо любым способом схватить власть, даже в том случае, если она не выгодна. Если же мы поступим иначе, то есть будем держаться за власть во что бы то ни стало, то будет казаться, что мы или не смогли вынести счастливой судьбы и рехнулись от успехов, или что мы, давно пользуясь властью, прикрываемся именем народа и сената не для того, чтобы избавить их от злоумышленников, и чтобы обратить их в своих рабов.

И то и другое достойно порицания.

Кто не вознегодовал бы, видя, что мы говорим одно, а думаем другое?!

Разве не стали бы нас ненавидеть еще больше, если бы мы сразу обнаружили своё истинное намерение и прямо устремились бы к единовластию?

Раз это так, то нас будут обвинять ничуть не менее, даже если вначале у нас и мыслей подобных не было, а только потом мы стали стремиться к власти. Быть рабом обстоятельств, не уметь владеть собой, не уметь использовать на благо дары счастья – всё это гораздо хуже, чем причинить кому-либо несправедливость по причине несчастья. Ведь одни люди часто под влиянием обстоятельств бывают вынуждены совершать несправедливости ради своей выгоды, но вопреки своей воле, а другие люди, не владеющие собой, жаждут совершить зло, и в результате оказывается, что они поступают вопреки своей выгоде.

Если мы не обладаем трезвым рассудком, если мы не можем обуздать себя в счастье, выпавшем на нашу долю, то кто поверит, что мы будем хорошо управлять другими или сумеем достойно перенести несчастья?

Так как мы не принадлежим ни к тому, ни к другому сорту людей и так как мы не хотим ничего совершать безрассудно, а хотим делать только то, что сочтём наилучшим в результате обдумывания, поэтому давайте примем определённое решение по этому вопросу.

Я буду говорить откровенно. Ведь сам я не могу говорить иначе и знаю, что тебе не будет приятно слушать ложь и лесть.

Равноправие хорошо звучит на словах и является в высшей степени справедливым на деле. Разве не справедливо, чтобы решительно всё было общим у тех людей, которые имеют общую натуру, общее происхождение, выросли в одних и тех же нравах, воспитаны в одних и тех же законах и отдали на благо родине все силы души и тела?! Быть почитаемым ни за что иное, кроме как за превосходные личные качества, – разве это не самое лучшее?!

Если люди управляются, таким образом, то они, считая, что и блага, и беды для всех одинаковы, не желают, чтобы с кем-либо из граждан приключилось несчастье, и сообща молятся о том, чтобы всем им выпало на долю самое лучшее. Если человек обладает каким-либо выдающимся качеством, то он легко проявляет его, активно развивает и с очень большой радостью

демонстрирует перед всеми. А если он замечает хорошее качество в другом, то он охотно его поощряет, усердно поддерживает и в высшей степени высоко чтит. Но если кто-нибудь поступает плохо, то всякий его ненавидит, а если случится несчастье, то всякий сочувствует, считая, что проистекающие от этого урон и бесславие являются общими для всего государства.

Так обстоит дело при республиканском строе.

При единовластии все обстоит иначе. Сущность заключается в том, что никто не хочет ни видеть, ни иметь никаких достойных качеств (ибо имеющий высшую власть является врагом для всех остальных). Большинство людей думает только о себе, и все ненавидят друг друга, считая, что в благоденствии одного заключается ущерб для другого, и в несчастье одного – выгода для другого.

Поскольку все это обстоит так, то я не вижу, что могло бы склонить тебя к жажде единовластия. Кроме того, ведь такой государственный строй для народов тягостен, а для тебя самого он был бы еще более неприятен. Или ты не видишь, что наш город и государственные дела еще и теперь находятся в состоянии хаоса? Трудно сокрушить нашу народную массу, столь много лет прожившую при свободе, трудно снова обратить в рабство наших союзников, наших данников, одни из которых издавна жили при демократическом строе, а других освободили мы. Трудно это сделать, в то время как мы со всех сторон окружены врагами»²⁴.

Эта пламенная речь в защиту свободы и республиканского правления, дошедшая до нас благодаря Диону Кассию, позволяет увидеть в Марке Випсании Агриппе не только великого полководца, одержавшего множество славных побед на суше и на море, но и мудрого политика, глубоко чувствующего все тонкости той или иной формы правления. В свое время, командуя флотом, действовавшим против Секста Помпея, утвердившегося на Сицилии младшего сына Помпея Великого, врага Октавиана, Агриппа изобрел важное усовершенствование в военноморском деле. Он ввел так называемый «гарпакс» – обитое железом бревно, снабжённое с обеих сторон кольцами. К одному концу крепился железный крюк, к другому же канаты. С помощью катапульты гарпакс забрасывался на вражеский корабль, крюк цеплял его, а канатами вражеский корабль подтягивался к римскому, и римские воины получали возможность перейти на корабль противника для рукопашного боя, в коем у них соперников не было.

Наверное, речь Агриппы по его замыслу должна была стать своего рода словесным гарпаксом и, что называется, зацепить Октавиана за душу. Но хладнокровный и расчётливый наследник божественного Юлия не пошел на поводу у внешне убедительных, но, увы, оторванных от жестких реалий тогдашней римской жизни высоконравственных советов испытанного воина. Но поскольку свою единовластную монархию он замечательно красиво нарядил в республиканские одежды, то доблестный Агриппа не стал сопротивляться нововведениям, более того, он охотно помогал Октавиану в его единовластном правлении. Наличие иного мнения не помешало Агриппе поддерживать Августа во всем так, будто он сам был инициатором этих дел²⁵.

Речи Агриппы Август предпочел речь Мецената, с которой тот обратился к правителю Римской державы. Её сохранил для потомков тот же Дион Кассий. Меценат – интеллектualan, знаменитейший покровитель искусств, чье имя стало в истории человечества нарицательным, чётко изложил Августу преимущества единовластия, основывая свои доводы не на идеальных конструкциях, а на суровой истине реальной жизни: свобода говорить и делать что угодно, если люди разумны, ведет к всеобщему благу, если же не разумны – к гибели. Свобода – преимущество лучших, пусть каждый исполняет свой долг, в этом и есть свобода; чернь же надо держать в руках, ибо свобода черни – рабство лучших.

²⁴ Дион Кассий. Римская история. 52, 25.

²⁵ Там же. 52, 41.

Реальность последних десятилетий республики лила воду на мельницу Мецената, а не Агриппы... Август не мог этого не видеть. Но ведь оставались и те, кто думал иначе.

Агриппы давно уже не было в живых, но Тиберий вправе был предполагать, что в Риме, и прежде всего в среде сенаторов, ностальгия по республиканским временам не умерла. Более того, перед ним был пример совсем недавний. Его младший брат Децим Клавдий Нерон, именовавшийся также Нерон Клавдий Друз и вошедший в историю под именем Друза Старшего, был убежденным республиканцем. Это тот самый Друз, с которым Тиберий совершал поход в глубь Германии, когда римляне впервые достигли берегов Альбиса (Эльбы). Тот самый Друз, который «был первым римским полководцем, который совершил плавание по Северному океану и прорыл за Рейном каналы для кораблей»²⁶. Друз нелепо погиб после неудачного падения с лошади, сломав бедро. Тело его отправили в Рим, где оно было погребено на Марсовом поле, и сам Тиберий, глубоко скорбя, сопровождал любимого брата и боевого товарища, следуя пешком за колесницей с телом покойного. Не мог не знать Тиберий политических пристрастий Друза, которые, кстати, в Риме получили столь широкую известность, что «считалось, что если бы он завладел властью, то восстановил бы народоправство»²⁷. Примерно о том же свидетельствовал и Светоний: «Говорят, он равно любил и воинскую славу, и гражданскую свободу: не раз в победах над врагом он добывал знатнейшую добычу, с великой опасностью гоняясь за германскими вождями сквозь гущу боя, и всегда открыто говорил о своем намерении при первой возможности восстановить прежний государственный строй»²⁸.

Более того, известно, что Друз написал письмо, в котором прямо предлагал добиться от принцепса восстановления республики, что, кстати, очень не понравилось Тиберию и он даже выдал это письмо Августу²⁹. Для Друза, правда, это последствий не имело.

С вероятностью сохранения подобных настроений в верхах римского общества и даже в собственной семье Тиберий не мог не считаться. Отсюда, по всей видимости, и столь не свойственные ему нерешительность и растерянность в момент обретения высшей власти в Империи. Великий полководец – а Тиберий, несомненно, был таковым, о чём свидетельствуют его многочисленные победы порой над целыми полчищами врагов, – не может быть нерешительным. Значит, сама ситуация, в каковой он оказался, была слишком уж непростой и, главное, непривычной. В истории, кстати, не раз бывали случаи, когда прославленный военачальник, не дрогнувший в самые ужасные моменты самых жестоких битв, как мальчишка терялся в делах политики гражданской и в среде этой чувствовал себя крайне неуютно и выглядел порой просто жалко. Такое, кстати, случалось и с Наполеоном. Потому не стоит упрекать Тиберия за его не слишком уверенное в себе поведение в дни после смерти Августа. Важен результат: Тиберий получил верховную власть. Теперь важнейший вопрос был другой: как он сумеет наследием Августа распорядиться? Будет ли он столь же успешным принцепсом, сколь был победоносным полководцем? Сферы деятельности эти сильно разнятся, и потому ответ на этот вопрос могло дать только время.

Обретение власти Тиберием прошло достаточно спокойно, без серьёзных попыток оспорить её в столице Империи. Однако вскоре в Рим приходят известия о грозных мятежах в провинциях и, главное, о мятеже в легионах, пожелавших увидеть во главе Римской державы совсем иного человека... Невольным свидетелем этих грозных событий стал и наш герой – двухлетний малыш Гай Юлий Цезарь, уже получивший в военном лагере забавное прозвище Сапोजок – Калигула.

²⁶ Светоний. Клавдий. 1.

²⁷ Тацит. Анналы. I, 33.

²⁸ Светоний. Клавдий. 4.

²⁹ Светоний. Тиберий. 25.

Опасность новому принцепсу действительно грозила с разных сторон. Не случайно Тиберий не раз говаривал: «Я держу волка за уши»³⁰. И действительно, ему было чего опасаться. Раб убитого Агриппы Постума Клемент, винивший, возможно и не без оснований, Тиберия в гибели своего хозяина, собрал для мести за него немалый отряд. Один из жрецов-понтификов, представитель знатного рода Скрибониев Луций Скрибоний Либон, недовольный переходом власти в руки Тиберия, стал тайно готовить переворот. Правда, кого он хотел видеть во главе Римской державы – неясно.

С этими опасностями Тиберию удалось справиться без особого труда. Клемента захватили в плен хитростью, заговор же Либона был достаточно быстро разоблачён, и только по причине высокой знатности его рода и родственной связи его с Августом – первая жена Октавиана была из рода Скрибониев – Тиберий вначале проявил великодушие. Кроме того, он не хотел начинать правление слишком сурово, и потому Либон был привлечён к ответу перед сенатом только год спустя. Любопытно, что, оставив Либона на свободе, Тиберий всё же принял необходимые меры предосторожности, дабы тот не вздумал снискать себе лавры Брута. Когда в присутствии Тиберия Либон в числе прочих жрецов-понтификов приносил положенные жертвы богам, то принцепс велел выдать ему для совершения обряда не традиционный стальной жреческий нож, а нож свинцовый, каковым зарезать человека сложно. А когда Либон однажды напросился к Тиберию на тайный разговор, то тот согласился разговаривать с ним только в присутствии своего сына Друза Младшего. Более того, прогуливаясь с Либоном, Тиберий, как бы опираясь на его правую руку, постоянно её сжимал, наверное, полагая, что тем самым лишает недруга возможности нанести удар. По счастью, Либон, очевидно, не был левшой.

Много более грозными были, разумеется, мятежи легионов. Здесь надо вспомнить положение римской армии во времена Августа. В первые годы после окончания гражданской войны Август был очень щедр к воинам. Богатейшая добыча, захваченная в Египте после победы над Антонием и Клеопатрой, позволила от души вознаградить легионеров победоносной армии. Однако, добыча вскоре истощилась, начались новые войны, пошли очередные завоевания, а всё это стоило больших денег. Вот потому-то скоро начались невыплаты жалования легионерам. Пусть и успешные завоевания новых земель стоили немалых затрат и потерь.

Солдат стали и задерживать на службе сверх установленного двадцатилетнего срока. Желанная отставка и получение обещанного после окончания службы земельного надела отодвигались на неопределённое время, порой на долгие годы. Растущее и становящееся все более и более заметным недовольство легионеров воинские начальники пытались гасить усилением и без того суровой в римской армии дисциплины. Участились телесные наказания. В одном из легионов, стоявших в Паннонии, центуриона Луцилия «солдатское острословие отметило прозвищем «Давай другую», ибо, сломав лозу о спину избиваемого им воина, он зычным голосом требовал, чтобы ему дали другую и еще раз другую»³¹.

Таким образом, поводов для недовольства в армии было предостаточно и мятежные настроения постепенно накапливались. Непосредственным же толчком к бунту стала перемена власти в Риме. Событие в римской жизни новое, непривычное и потому могущее вызвать самую неожиданную реакцию. Особенно там, где было множество недовольных. В армии таких хватало, и потому именно там «смена принцепса открывала путь к своеволию, беспорядкам и порождала надежду на добычу в междоусобной войне»³².

Первый мятеж вспыхнул в паннонских легионах, в летнем лагере, где размещались три легиона под командованием Юния Блеза. Блез почему-то решил, что наилучший способ тра-

³⁰ Там же. 50.

³¹ Тацит. *Анналы*. I, 23.

³² Там же. I, 16.

ура по Августу – освобождение легионеров от тягот повседневной службы. Последовавшая внезапная и непривычная праздность повлияла на войско наихудшим образом. Недовольство своим положением не только не ослабло, но, не придавленное суровой воинской дисциплиной, выплеснулось наружу.

Когда массой людей, тем более людей вооружённых, овладевают мятежные настроения, непременно объявится и мятежный предводитель. Так случилось и в Паннонском лагере трёх легионов. Мятежным предводителем стал легионер Перценний. Основой его лидерских качеств стал немалый театральный опыт – некогда он был предводителем театральных клакеров. Потому быстрый на язык проходимец хорошо умел распалить людей. А уж когда это сборище людей, имеющих самые серьёзные основания для недовольства... Надо сказать, что Перценний справедливо делал упор на то, что, когда же ещё требовать облегчения службы, если не «безотлагательно, добиваясь своего просьбами или оружием от нового и ещё не вставшего на ноги принцепса?»³³

Мятежники под предводительством Перценния довольно быстро составили краткий, но чёткий перечень своих требований, который нельзя не признать справедливым и, что особенно важно, достаточно умеренным и в основном выполнимым. Главным было требование обязательного ограничения службы шестнадцатью годами. После окончания обязательной службы солдат уже не должны были бы оставлять на положении вексилляриев – воинов, освобождённых от несения обычной службы и призываемых в строй только в случае военных действий. Отслужившим же воинам должно было бы выплачивать достойное вознаграждение наличными деньгами, поскольку земельные участки в виде награды за десятилетия службы солдат-ветеранов уже мало привлекали. Тем, кто продолжал нести службу, жалование должно было быть установлено в 16 ассов (1 денарий) в день. При этом мятежники справедливо указывали на то, что воины преторианских когорт получают два денария в день и их служба действительно ограничивается шестнадцатью годами. А разве можно сравнивать службу преторианцев, в мирной Италии охраняющих Рим и особу принцепса, со службой легионеров в пограничных армиях, где они «пребывая среди диких племён, видят врагов тут же за порогами палаток»?³⁴

Растерявшийся Юний Блез пытался воздействовать на мятежников упрёками, которые плохо действовали на разгорячённых солдат. Тогда он согласился отправить уполномоченным от недовольных своего сына, который должен был добиться главного: ограничения службы шестнадцатью годами. После этого наступило некоторое успокоение, но дерзость мятежных воинов только возросла, поскольку они убедились, «что, отправив сына легата ходатаем за общее дело, они угрозами и насилием добились того, чего не добились бы смиренными просьбами»³⁵.

Тем временем разложение дисциплины в легионах обернулось грабежами окрестностей, и Блез попытался восстановить порядок, прибегнув к суровым наказаниям грабителей, прежде всего тех, кто был захвачен с добычей. В ход пошли наказания плетью, заключение в темницу. Но запоздалая суровость только подстегнула ярость мятежников, у которых помимо Перценния выдвинулся ещё один дерзкий предводитель, некто Вибулен, также рядовой легионер. Он перед возбужденной толпой обвинил Блеза в убийстве своего брата, которого, кстати, у него, отродясь, не было. Свою скорбь по безвременно погибшему от злодейских рук рабов Блеза никогда не существовавшему брату Вибулен изображал настолько убедительно, что мятеж стал стремительно принимать крайние формы. И пусть вскоре выяснилось, что легат совершенно не виноват в том, в чём Вибулен его обвинил (это, правда, спасло Блезу жизнь), мятежники разграбили имущество бежавших в страхе трибунов и центурионов, а печально знаменитый

³³ Там же. I, 17.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. I, 19.

центурион Луцилий по прозвищу «Поддай другую!» был убит. Дело едва не дошло до прямого сражения между легионами, когда восьмой и пятнадцатый легионы готовы были поднять друг против друга оружие, но решительность воинов девятого легиона предотвратили братоубийственное столкновение.

Тиберий, узнав о случившемся в паннонских легионах, немедленно направил в мятежный лагерь своего юного сына Друза Младшего, дав ему в помощь несколько высших сановников государства, среди которых был и командующий гвардией принцепса префект преторианских когорт Элий Сеян, пользовавшийся величайшим доверием Тиберия.

Встречен сын принцепса мятежными легионами был настороженно и непочтительно. Легионеры не приветствовали Друза должным образом, выглядели крайне неряшливо и не очень-то скрывали своевольные настроения. Ошибку допустили и сам Друз, за что скорее ответственны его многоопытные советники. Оглашая послание Тиберия, Друз зачитал слова императора о том, что он посылает к легионам сына, дабы тот безотлагательно удовлетворил их во всём, в чём можно немедленно пойти им навстречу. Решение же всего прочего надлежало оставить сенату, ибо его нельзя лишать права карать или миловать. Требования мятежных легионов были немедленно изложены. Они звучали по-прежнему: срок службы шестнадцать лет, отслужившим – денежное вознаграждение, ветеранов не переводить в вексиллярии, жалование легионерам – один денарий в день. Друз немедленно возразил, что эти вопросы могут решить только сенат и отец. Слова его вызвали негодование: ведь сам Цезарь в письме сообщил, что сыну дозволено безотлагательно решить то, в чём можно пойти недовольным навстречу. И, понятное дело, оглашённые требования они как раз к таковым-то и относили, полагая, что пусть уж потом сенат решает, кого сурово наказать, а кого и помиловать. Зачем, собственно, Друз прибыл, если лишён полномочий повысить жалование и улучшить жизнь воинов? Получается, что плети и казни применить можно, а вот облегчить действительно немалые тяготы службы нельзя. Немедленно вспомнили, что не так давно сам Тиберий, отклоняя пожелания воинов об улучшении своего положения, прикрывался именем Августа. Что же нового теперь? Молодой Друз прикрывается именем ставшего принцепсом Тиберия! Если и появилось нечто новое, то это отсылки императора к сенату. Без воли сената, видите ли, он не может сам сделать хоть что-то доброе для воинов! Прозвучали язвительные слова с предложением запрашивать отныне сенат всякий раз, когда надо дать сражение или совершить казнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.